

ТРЮДЕ ТЕЙГЕ

.....

**ДЕВУШКА,
ПЕРЕСТАВШАЯ
ГОВОРИТЬ**

.....

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.113-5-31
ББК 84(4Нор)-44
Т29

«JENTA SOM SLUTTET Å SNAKKE»
by Trude Teige

Серия «На грани: роман-исповедь»

Печатается с разрешения автора при содействии литературного агентства Banke, Goumen and Smirnova (www.bgs-agency.com).

Перевод с норвежского *Марии Ткаченко*

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Фотография автора на обложке *Emilie Teige Skrattegård*

Тейге, Трюде.

Т29 Девушка, переставшая говорить / Трюде Тейге; [пер. с норв. М. В. Ткаченко]. — Москва : АСТ, 2017. — 352 с. — (На грани: роман-исповедь).

ISBN 978-5-17-099409-0

Молодая девушка Сиссель Воге перестала разговаривать много лет назад. Однажды утром ее обнаруживают мертвой в собственном доме, спустя год после убийства ее отца, раскрыть которое полиции так и не удалось. А еще через несколько дней бесследно исчезает ее ближайшая соседка — четырнадцатилетняя Туне.

Страшное и трагическое прошлое Сиссель неожиданно становится ключом к ее поискам, несмотря на то, что теперь девушка замолчала уже навсегда.

УДК 821.113-5-31
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-099409-0

Copyright © 2014, H. Aschehoug & Co.
(W.Nygaard) AS.

© 2014 by Trude Teige

© Ткаченко М.В., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Это случилось прямо перед тем, как Кайса Корен свернула на выезд из Лусвики, пройдя последний дом в деревне. Вдруг она услышала крик. Женщина вышла на лестницу, возбужденно размахивая руками, перегнулась через перила и сплюнула.

Кайса втолкнула коляску в ворота на посыпанную гравием заросшую дорожку. Она гуляла с коляской, чтобы Юнас уснул. Хныканье стихло, но он лежал, все еще моргая и смотря вверх на облака, быстро плывущие по небу в этот ветреный последний день ноября. Кайса быстро поставила коляску на тормоз и поспешила к женщине.

Кайса знала, что живущую здесь женщину зовут Сиссель Воге и ей чуть за тридцать, но на лестнице стояла не она. Это была соседка, Бенте Рисе.

— Что происходит? — спросила Кайса.

— Звони... звони в полицию, — всхлипнула она. — Сиссель.

— Что с ней?

Бенте большим пальцем показала на открытую входную дверь за спиной и зажала рукой рот и нос. Теперь и Кайса почувствовала: гнилое, похожее на запах кана-

Трюде Тейге

лизации зловоние, сочившееся вместе с теплым воздухом из дома.

— Я думаю, она мертва, — сказала Бенте, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Присмотришь за Юнасом?

Бенте кивнула, и Кайса медленно вошла в коридор. В доме стояла тишина, особая тишина пустого дома. Запах стал резче, в носу защипало, она постаралась сконцентрироваться, чтобы дышать ртом, и на языке появился отвратительный привкус гнили.

Она вошла в кухню. Пусто.

Большинство старых домов в деревне имело одинаковую планировку: из коридора дверь в кухню, дверь между кухней и гостиной рядом, там дверь в парадную гостиную, и оттуда можно снова выйти в коридор.

Кайса продолжила путь через кухню и остановилась в дверном проеме в гостиную. Во рту ужасно пересохло.

Прямо у ее ног было большое пятно засохшей крови. И маленький белый крест на стене весь в крови. В кресле у окна спиной к Кайсе сидела женщина.

Кайса натянула на лицо ворот тонкого эластичного свитера поло и зажала нос, перешагнула кровь на полу и двинулась мимо большого зеленого растения и вокруг стола, чтобы рассмотреть лицо женщины.

Проверять ее пульс было совершенно лишним.

Из открытого рта торчал кончик языка темного неестественного цвета. Голова немного наклонена набок, лицо почти повернуто к спинке стула. Глаза безжизненно уставились в окно, взгляд застыл в мгновении, которого больше нет. На щеке у нее было большое лилово-

Девушка, переставшая говорить

красное пятно в форме перевернутого сердца: узкое у виска, оно расширилось вниз, заканчиваясь у уголка рта. Ее руки с безжизненно свисающими кистями лежали на подлокотниках. Она выглядела удивленной, как будто не могла поверить, что и вправду умерла.

Пахло так, как бывает, когда в результате наступившей смерти мышцы, содержащие жидкости тела и рефлексy, теряют силу. Этот запах ассоциировался у Кайсы с рыбьими потрохами, оставшимися гнить на пристани после того, как из рыбацких лодок выгрузили улов на землю.

Маленький столик около стола был перевернут. Пара очков и журналов «Женщины и мода» лежали на полу.

Кайса стояла и смотрела на женщину с отвращением и удивлением одновременно. Умершая была одета в длинное черное платье из плотного блестящего шелка с глубоким декольте. Распущенные волосы приподняты маленькими заколками. Осветленные, потому что вдоль пробора были видны отросшие темные корни. На шее — золотая цепочка с крестиком, в ушах большие жемчужные серьги. Глаза сильно накрашены, на губах все еще были видны следы красной, потрескавшейся помады. Узкое лицо, длинный нос с маленькой горбинкой прямо под переносицей, тонкие губы, высокие скулы. Живот вздулся, труп, очевидно, пролежал здесь уже какое-то время, а при жизни она, должно быть, была долговязой и худой.

Сиссель Воге была одета празднично и была бы красивой, если бы не синий изогнувшийся язык, выпученные потухшие глаза и выражение лица, от которого Кайсу замутило еще больше. Тошнота бурлящим потоком поднималась от желудка, нарастала сильнее

Трюде Тейге

и сильнее и подступала к пищеводу. Кайса тяжело сглотнула.

Представшее перед ней вызвало ассоциации с пострадавшей от вандализма картиной, как будто кто-то вошел и разорвал холст.

Она огляделась вокруг. Гостиная была старомодной, с изношенной мебелью, но все было чисто и прибрано. На подоконнике лежали Библия и бинокль. Вдоль стены стояло старое черное отполированное до блеска пианино. Кайса подошла взглянуть на ноты и нотную доску. Кристиан Синдинг, «Шелест весны». Для продвинутого уровня, подумала Кайса, она сама играла на пианино. «Удачи, всего наилучшего, Е.» — было нацарапано в одном из верхних углов. Или, может быть, это буква «Г», она не была уверена. На крышке пианино лежала стопка записных книжек.

Кайса расстегнула молнию на куртке. Воздух был невыносимо горячим, душным и давящим. Маленькая красная лампочка светила из масляного обогревателя, стоявшего рядом у двери. Вокруг головы Сиссель громко жужжал рой мух. Некоторые залезали в ушные проходы, ноздри и глаза.

Кайса прижала ворот свитера к лицу, вдыхая запах духов, чтобы сдержать тошноту.

Дверь в парадную гостиную была приоткрыта. Кайса толкнула ее локтем, чтобы не оставлять отпечатков пальцев. Затем вынула из кармана мобильный и позвонила в полицию, оглядывая комнату.

Огромный рождественский кактус в полном цвету стоял на черном постаменте. Его побеги свисали под тяжестью красивых ярко-розовых цветов. На диване лежала стопка женской одежды. Все выглядело новым и современным. На некоторых вещах еще были бирки

Девушка, переставшая говорить

с ценой. В пакете на полу Кайса разглядела несколько игрушек, погремушку и разномастные фигурки животных.

На журнальном столике тоже лежала аккуратно сложенная одежда. Кайса вытащила маленький комбинезончик, на бирке был указан размер «50», для новорожденного. Вся одежда на столе была белого и голубого цветов.

Одежда для маленького мальчика.

Кайса хорошо знала участкового Уле-Якоба Эггесбё. Карстен, ее гражданский муж, работавший в Управлении уголовной полиции, сотрудничал с ним во время расследования по делу об убийстве немца два года назад, где она сама сыграла большую роль в раскрытии дела. «Убийством немца» это дело назвала пресса, так как оно началось с убийства немецкого туриста. Позже речь шла уже о нескольких убийствах.

Эггесбё быстро огляделся в комнате, остановился перед Сиссель, несколько секунд, сузив глаза, рассматривал ее, затем выудил мобильный.

«Врачу звонит», — решила Кайса из его последовавшего разговора.

Темнокожий полицейский, которого она раньше не видела, остался стоять у двери. Обеими руками закрывая нос и рот, он едва кивнул ей и не выказал никакого желания подходить к трупу. Кайса предположила, что полицейскому около двадцати пяти лет.

Эггесбё выглядел более спокойно, чем когда-либо, разговаривая по телефону.

— Да, в том же доме, это дочь проповедника, — услышала Кайса его слова.

Трюде Тейге

Тяжелые нижние веки переходили в отечные мешки под глазами. Он был маленького роста и квадратный, как шкаф. Инфаркт полгода назад явно не способствовал его похудению. Кайса отметила, что он отпустил бороду. Она была с проседью, как и густой короткостриженный ежик на голове.

Через десять минут появился врач, в то время пока Кайса стояла на лестнице вместе с Бенте Рисе и рассказывала Эггесбё, что произошло. Кайса видела врача неделю назад, когда у ее дочки Теи заболели уши. Его звали Густав Берг, и он жил в Лусвике, но сам был не отсюда.

Эггесбё и врач вошли в дом, и Кайса проследовала за ними.

Берг перешагнул через кровавое пятно. Было в том, как он двигался, рассматривал труп, надевал латексные перчатки и осматривал Сиссель, что-то, говорившее Кайсе, что эта ситуация не была для него непривычной. Когда она заметила это ему, он ответил, что работал ассистентом в Институте судебной медицины в студенческие времена и подумывал стать патологоанатомом.

— Теперь иди, Кайса, — сказал Эггесбё. — Мы можем поговорить после.

— Да-да, — ответила она, но осталась стоять на месте.

У большинства журналистов, которых она знала, как будто происходило нечто похожее на короткое замыкание, когда они были на работе. Их реакция была прямо противоположной естественной в драматичной или неприятной ситуации. Они становились холодными, дистанцировались сильнее, чем это присуще большинству людей. Как будто оснащенные фильтром мо-

Девушка, переставшая говорить

рали, журналисты устанавливали дистанцию с реальностью, вытесняя свои собственные чувства.

Именно так ощущала себя Кайса, наблюдая, как Берг исследует труп.

— Вот как, — пробормотал он, потрогав руки и ноги. — Уже прошло смертное окоченение.

Было что-то будничное в его рутинных движениях и интонациях, словно он просто навещал больного, несмотря на пронизывающую вонь мочи, испражнений и гниющего трупа. Как будто газ проникает через поры в кожу, остается на слизистой оболочке в носу, рту и глазах, затрудняя дыхание и затуманивая взгляд.

— Сколько времени она мертва? — спросил Эггесбё у врача, одновременно окинув Кайсу испытующим суровым взглядом и слегка указав головой в сторону двери.

Кайса кивнула, но по-прежнему не последовала просьбе.

— Сложно сказать точно, — ответил Берг.

— Как вы *предполагаете*?

— Может быть, неделю. Чем дольше лежит труп, тем труднее оценить, как давно наступила смерть. А в этой жаре... — Он поднял ее руки, наклонился и посмотрел на внутреннюю сторону. — Но одну вещь могу сказать наверняка: скорее всего, она умерла здесь.

— Трупные пятна?

Кайса знала, что если бы синие пятна гематом находились на других частях тела, это могло означать, что его переместили.

— Да, они точно соответствуют позе, в которой она сидит, — сказал Берг. — Либо она умерла в кресле, либо ее посадили сюда сразу после наступления смерти. Более вероятно второе.

Трюде Тейге

Он показал на кровь наверху на стене в трех метрах от них.

Эггесбё жестом подозвал полицейского к себе. Служащий выглядел так, словно не горел желанием, но все же подошел со стороны стула. Эггесбё что-то тихо сказал ему.

Врач обеими руками взялся за голову трупа, повернул ее, чтобы посмотреть сторону, опирающуюся на спинку стула. На затылке застыла плотная масса свернувшейся крови, приклеившей волосы к голове и стекшей вниз по шее и спине.

Берг выпрямился и собирался сказать что-то еще, но вместо этого склонился вниз, поднял длинное черное платье и сложил его на колени женщины. Рой мух неистово жаждал внизу.

Полицейский издал звук, похожий на отрыжку.

— Выйди и подыши свежим воздухом, — сказал Эггесбё.

— У нее есть собака? — спросил Берг.

— Не знаю, — ответил Эггесбё.

— Похоже на то, — сказал Берг, не поднимая глаз.

Кайса сделала шаг вперед, посмотрела вниз и быстро отвернулась.

Полицейский стоял на лестнице и вдыхал свежий воздух, когда она вышла, чтобы посмотреть, как там Юнас. Бенте осторожно качала коляску, держа палец у рта. Юнас боролся со сном, но у него не вполне получалось, только тихое хныканье в протест.

— У Сиссель есть собака? — прошептала Кайса.

Бенте показала. В дальнем углу сада стоял серый элкхаунд*.

* Лосиная лайка.

Девушка, переставшая говорить

— Каро пулей выскочил, когда я открыла дверь, — сказала она. — Он только что вернулся, и я привязала его поводком.

Пес выжидающе завилял хвостом, услышав свое имя.

Кайса вошла обратно в дом и остановилась в дверном проеме в гостиную.

— Собака на улице, в саду, — сказала она. — Но она была в доме, когда Бенте открыла дверь. — Она указала на стену у двери в парадную гостиную. — Пес опорожнялся вон там.

— Точно, — кивнул Эггесбё.

— Был несколько дней заперт вместе с Сиссель, — констатировал врач.

— Вы ее знали? — спросил Эггесбё.

Берг кивнул:

— Она была одной из моих пациенток. Мне было жаль ее. Ни братьев, ни сестер, и вся ответственность легла на нее. Ну, вы знаете: единственный ребенок, женщина, престарелые родители. — Он сказал это так, словно это было само собой разумеющимся. У Сиссель не было выбора. — Но, наверное, было все-таки хорошо, что она жила не одна. Родители заботились о ней в той же мере, как и она заботилась о них, судя по тому, что я слышал. Когда умер отец, я пытался уговорить ее переехать в один из приютов, но она не хотела. — Он продолжил говорить, осматривая горло и шею умершей: — Она была у меня пару месяцев назад. С болями в желудке. Кроме того, она показалась мне подавленной. С ней ведь было трудно общаться, но она пожаловалась, что мысли о многом не дают ей уснуть.

— Наверное, это не так уж и странно после того, что случилось с ее отцом, — вставила Кайса.

Трюде Тейге

— Она не хотела говорить, в чем дело, но наверняка в этом, конечно. Странно то, что на самом деле ей как будто бы стало лучше сразу после его смерти, но позже, летом, у нее началась депрессия. Я дал Сиссель анти-депрессанты, чтобы она смогла преодолеть ее, и посоветовал выбираться из дома, встречаться с людьми.

— И как, Сиссель последовала вашим рекомендациям?

— Не знаю. Неделю назад ей был назначен новый прием, но она не явилась. Несколько раз случалось, что она записывалась, но не приходила. И я не...

Участковый прервал его и повернулся к Кайсе.

— Мы поговорим позже, — сказал он.

— Тебе предстоит большая работа, — ответила она. — Здесь *должна* быть связь. Два убийства в одном доме, это...

— Кайса... — начал Эггесбё.

Она согласно подняла руки перед собой:

— Ладно, ладно.

— Кстати, как там дела у Карстена? — спросил он.

— Хорошо, — ответила она через плечо, выходя из дома. — Все хорошо.

«Я не буду думать о Карстене, — подумала она. — Все наладится».

Кайса заглянула в коляску. Юнас спал с полуоткрытым ртом, раскинув ручки в стороны и растопырив пальцы. Она подоткнула ему одеяло и перевела взгляд на дом Сиссель Воге. Если бы не шторы и цветы на окнах, можно было бы подумать, что здесь давно никто не живет. Было нечто смирившееся и уставшее от жизни во всем владении Сиссель, словно ей было все равно, словно она бросила поддерживать уход и порядок вокруг себя.

Большинство домов в Лусвике стояло подобно памятникам благосостоянию людей. Часть домов пятидесятых годов изначально была обшита асбоцементными листами, но теперь жители убрали их и заменили на панели, модернизировали, надстроили, изменив дома до неузнаваемости. Но на доме Сиссель были такие же серые, пострадавшие от погоды плиты, а ставни и оконные рамы нуждались в покраске.

Кайса покатила Юнаса домой.

Скоро будет два с половиной года с тех пор, как они с Карстеном решили отреставрировать дом, который она унаследовала от тети в то лето, когда убийство немца сотрясло Лусвику и Карстен едва остался жив. Они жили здесь уже пару месяцев.

Трюде Тейге

Первоначально они собирались пробыть здесь всего год. А потом посмотреть. Тее и Андерсу, детям от бывшего мужа Акселя, очень нравилось здесь, но если Карстену не станет лучше, они не смогут остаться. Все чаще и чаще она думала о том, что лучше всего было бы вернуться обратно в Аскер. Его уныние влияло и на нее тоже, она часто чувствовала себя подавленной. Нет, скорее не подавленной, а грустной, так бесконечно грустной посреди жизни, которая должна быть полна жизнеутверждающей радости. Кайсе следовало бы наслаждаться каждым днем, радоваться, что Карстен выжил, что она снова стала матерью. Вместо этого она ходила кругами и чувствовала в себе противостояние всему, что сама предпринимала.

Она сбавила скорость.

Этгесбё стоял и разговаривал с Бенте Рисе. У нее был ключ от дома Сиссель. Был ли ключ и у убийцы тоже?

Кайса жила в Лусвике с родителями и двумя сестрами до десятилетнего возраста. Тут были ее корни. Она знала большинство здесь живущих с детства и с тех каникул у тети в подростковом возрасте. Бенте Рисе тоже родилась и выросла здесь, а ее муж приезжий. Кайса не знала никого из них хорошо, только шапочно. Они построили дом на земле родителей Бенте, рядом с Сиссель.

С Сиссель Кайса не была знакома, та переехала в Лусвику после того, как семья Кайсы уехала в Аскер. Кайса однажды видела ее в магазине после их переезда сюда. Сиссель достала из сумки блокнот, что-то в нем написала и показала Эльзе, которая владела магазином Лусвики. Кайса подумала, что Сиссель глухая, но Эльзе,

Девушка, переставшая говорить

подруга детства Кайсы, рассказала ей, что Сиссель перестала разговаривать, будучи подростком. Когда Сиссель ушла, Кайса услышала разговор двух женщин. Они говорили о ней «бедняжка» и «чудачка», а потом начали обсуждать, как ужасно, что полиция до сих пор не раскрыла убийство ее отца.

Было очевидно, что убийство Педера Воге все еще занимало людей, год спустя после того, как оно случилось. Каждый раз, когда Кайса приходила в магазин, кто-нибудь говорил об этом деле. Убийство нависло над деревней словно темная тень. По словам Эльзе, люди боялись, особенно пожилые, кто жил один. Они начали запираť двери посреди дня, не открывали незнакомым, никто не выходил один по вечерам, детей возили на машинах больше, чем раньше. Кайса сама забирала Теу или Андерса, когда они были у друзей или проводили свободное время после наступления темноты. Все было совсем иначе, когда она жила здесь ребенком. В те времена они даже не утруждали себя запираť двери на ночь.

Два убийства в одном доме с разницей в год, подумала она. Здесь должна быть связь.

Она посмотрела на пустынный участок дороги на выезде из деревни, который начинался прямо поодаль от дома Сиссель Воге. Жители называли его Пляжем, хотя никакого пляжа здесь не было, только каменистая полоса отлива. В некоторых местах дорога прорезала подножие гор, в других — скользила по более плоскому берегу. Она извивалась и петляла на протяжении пары километров мимо больших и маленьких бухт, пока не оканчивалась на длинном мысе, где было пять-шесть домов. Оттуда десять лет назад построили мост к сосед-